

Annotation

- Разговоры о цветах надоели, - рассуждал он, - но не сами цветы. В наше время на них смотрят, как на узор обоев. "Цветы вообще" действительно скучны и слащавы, но если вы увидите цветок, он поразит вас. Говорят, падающая звезда к добру. Насколько же лучше звезда живая! ...

- [Честертон Гилберт Кийт](#)
 -
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Честертон Гилберт Кийт

Тень акулы

Гилберт Кийт Честертон

Тень акулы

Достоинно внимания, что покойный Шерлок Холмс лишь дважды отверг разгадку, как совершенно невозможную; и оба раза его почтенный родитель признал впоследствии, что ничего невозможного здесь нет. Великий сыщик сказал, что преступление нельзя совершить с воздуха. Артур Конан Доил, патриот и военный историк, повидал с той поры немало таких преступлений. Сыщик сказал, что убийцей не может быть дух, привидение, призрак - словом, один из тех, с кем теперь так успешно общается сэр Артур. С новой точки зрения любимого нами писателя собака Баскервильей вполне может быть исчадием ада (если, конечно, присущий спиритам оптимизм, допускает существование столь неприятных тварей). Мы отметили это недоразумение лишь потому, что убийство, о котором пойдет речь, ученые пытались свалить на авиаторов, спириты - на духов; хотя не ясно, что же хорошего, если дух или авиатор станет убийцей.

Это убийство, быть может, еще помнят; в свое время оно потрясло всех. Погиб сэр Оуэн Крам, чудаковатый богач, помогавший поэтам, художникам и ученым. Его нашли на мокром песке, у моря, но следов убийцы там не было. Врачи определили, что такую рану он не мог нанести себе сам, но никто не понимал, чем же и как ее нанесли. Подозрения, повторю, падали на духов и авиаторов, причем и поборники науки, и поборники спиритизма гордились, что их подопечные так хорошо работают. На самом же деле убийца вышел не за пределы природы, а за пределы нравственности. Чтобы читатель сам это понял, отступим к той сцене, с которой все началось.

Перенесемся на лужайку перед приморской виллой сэра Оуэна.

Амос Бун когда-то проповедовал дикарям и до сих пор одевался как миссионер. Он носил бороду, сюртук и широкополую шляпу, что выглядело и нелепо, и экзотично. Лицо у него было темное, борода - черная, он вечно хмурился, а один его глаз становился иногда больше другого, и это придавало зловещую загадочность его заурядным чертам. Проповедовать он не хотел, ибо, по его словам, взгляды его стали шире. Многие подозревали, что он имеет в виду нравственность, - люди нередко

эмансипируются на дальних островах. На самом деле он просто исследовал и любил обычаи дикарей. В путешествия он не брал ничего, кроме огромной Библии, и затвердил наизусть сперва заповеди, потом противоречия; ведь обличитель Библии - тот же начетчик, только он стоит вверх ногами. Бун вечно доказывал (а это нетрудно), что Давид и Саул не всегда вели себя образцово, и завершал свои речи похвалой филистимлянам. Филистимляне эти стали притчей во языцех у его молодых, непочтительных знакомых, которые спорили с ним или над ним шутили.

Сейчас под началом сэра Оуэна шел полушутливый спор о науке и поэзии. Препирались молодые гости, хозяин слушал. Он был невелик, подвижен, седоус, а волосы на его большой голове стояли хохолком. Легкомысленным гостям он напоминал краба; и впрямь, он как будто полз сразу во все стороны. Он был дилетантом во всем и часто сменял свои пылкие пристрастия. Все деньги он в порыве чувств завещал на устройство музея естественной истории, а сам немедленно увлекся ландшафтной живописью. Люди, собравшиеся у него, олицетворяли разные его увлечения. Сейчас молодой художник, занимавшийся и поэзией, отстаивал красоту перед врачом, занимавшимся биологией.

- Разговоры о цветах надоели, - рассуждал он, - но не сами цветы. В наше время на них смотрят, как на узор обоев. "Цветы вообще" действительно скучны и слащавы, но если вы увидите цветок, он поразит вас. Говорят, падающая звезда к добру. Насколько же лучше звезда живая!

- Почему? - благодушно спорил ученый, молодой человек в пенсне по фамилии Уилкс. - Боюсь, мы уже не умеем так смотреть. Цветок - растение; оно не лучше и не хуже животного. У насекомых бывают такие же яркие узоры. Мне цветы интересны, как, скажем, спруты, которых вы сочтете чудовищами.

- Не скажите, - возразил поэт. - Можно все повернуть иначе: не цветок уродлив, как спрут, а спрут прекрасен, как цветок. В сущности, чудища морские - цветы особого, сумеречного сада. Наверное, Творец любит акул, как я люблю лютиком.

- Ну, что до Творца, дорогой мой Гейл... - начал ученый и вдруг заговорил суше. - Я всего лишь человек, хуже того биолог, а для вас это пониже осьминога. Мне акула интересна тем, что я могу ее резать.

- Вы видели акулу? - внезапно вмешался в беседу Амос Бун.

- В гостях не встречал, - веселым и вежливым тоном ответил поэт, но лицо его вспыхнуло. Он был высок, долговяз, звался Габриелем Гейлом, и картины его славились больше, чем стихи.

- Вероятно, вы видели их в музее, - продолжал Бун, - а я видел их в море. Я видел акул в их собственном царстве, где им поклоняются, как Богу. Я и сам готов им поклоняться, чем они хуже богов?

Габриел Гейл молчал, ибо он всегда мыслил образами. Ясно, как в видении, созерцал он кишашее чудищами море. Но в беседу вступил еще один гость - студент- богослов по имени Саймон, обломок теологических увлечений хозяина, худой, темноволосый, молчаливый, с каким-то диковатым взором. Из осторожности или из гордости он предоставил право спора склонному к спорам поэту; но сейчас заговорил.

- Неужели они поклоняются акуле? - спросил он. - Какая ограниченная вера!

- Вера! - гневно повторил Бун. - Что вы о ней знаете? Вы протягиваете руку, сэр Оуэн дает деньги, и вы строите молельню, где старый краснобай проповедует старым девам. Вот мои дикари, те веру знают. Они приносят ей в жертву животных, детей, жизнь. Вы бы позеленели от страха, если бы хоть краем глаза увидели их веру. Это - не рыба в море, а море, где живет рыба. Они обитают в вере, словно в синей туче или в зеленой воде.

Все повернулись к нему. Лицо его было еще значительней, чем слова. Сад, раскинувшийся под сенью меловой горы, окутывали сумерки, но последние лучи золотили зелень газона и переливались на фоне моря, синелилового вдали, бледнозеленого поближе. У горизонта проползла большая странная туча, и лохматый человек в широкополой шляпе воздел к ней руки.

- Я знаю край, - воскликнул он, - где тень этой тучи назвали бы тенью акулы, и тысячи людей пали бы ниц, готовые к посту, борьбе и смерти. Видите темный плавник, подобный вершине горы? А вы обсуждаете акулу, как удачный удар в гольфе. Один готов ее резать, как пирог, другой - рад, что какой-то Ягве снизойдет и погладит ее, как кролика.

- Ну, ну, - нервно вмешался сэр Оуэн, - зачем кощунствовать!

Бун покосился на него грозным взглядом, именно взглядом, ибо одно его око расширилось и сверкало, как у циклопа. Он властно выпрямился, черный на пылающем зеленом фоне, и всем показалось, что они слышат, как бушует его борода.

- Берегитесь! - возопил он. - Это вы кощунствуете!

И, прежде чем кто-нибудь шевельнулся, зашагал прочь от дома, черный на фоне золота. Шагал он так решительно, что все на миг испугались, как бы он единым духом не взлетел на вершину; но он вышел в калитку, взошел на холм по склону и спустился по тропинке в рыбацью деревню.

Сэр Оуэн стряхнул оцепенение, словно короткую дремоту.

- Мой старый друг чудакват, - сказал он. - А вы, друзья мои, не уходите, не давайте ему расстроить нашу беседу. Еще совсем рано.

Но сумерки сгущались, всем было не по себе, и беседа не шла. Только Саймон, Гейл и противник их, Уилкс, остались к обеду. Когда стемнело, они вошли в дом и сели за стол, на котором, как всегда, стояла бутылка шартреза - сэр Оуэн тратился не только на чудачества, но и на им самим установленные ритуалы. Говорливый поэт молчал, глядя на зеленую жидкость, как в зеленые глубины моря. Хозяин оживленно хвастался.

- Да, - говорил он, - куда вам до меня, лентяям! Весь день просидел за мольбертом на берегу. Пытался написать этот чертов холм так, чтобы вышел мел, а не сыр.

- Я вас видел, - сказал Уилкс, - но не хотел мешать. Я ведь ищу там экспонаты для музея. Наверное, люди думают, что я просто шлепаю по воде здоровья ради. А я вот набрал много хорошего. Заложил основы музея, во всяком случае, морского отдела. Потом я разбираю свои находки, так что ленью меня не попрекнешь. И Гейл там гулял. Он, правда, ничего не делал, а сейчас ничего не говорит, что гораздо удивительнее.

- Я писал письма, - сказал аккуратный Саймон. - Это - не пустяк. Письма бывают и ужасными.

Сэр Оуэн взглянул на него. Никто не говорил, пока не зазвенели бокалы. Это Гейл ударил по столу кулаком.

- Дагон! - вскричал он в каком-то озарении.

Не все его поняли. Быть может, хозяин и ученый решили, что так ругаются поэты; но темные глаза богослова посветлели, и он поспешно кивнул.

- Ну, конечно, - сказал он. - Потому он и любит филистимлян.

В ответ на удивленные взгляды он тихо пояснил:

- Филистимляне пришли с Крита на палестинский берег. Быть может, они - греки. Они поклонялись божеству, возможно Посейдону, которое враги их, израильтяне, именуют Дагоном. Символ его - рыба.

Сведения эти пробудили к жизни угасший было спор.

- Признаюсь, ваш Бун меня огорчил, - сказал Уилкс. Считает себя рационалистом, изучает тихоокеанский фольклор, а сам разводит суету вокруг какого-то фетиша, просто рыбы...

- Нет, - пылко перебил его Гейл. - Лучше поклоняться рыбе! Лучше заклать себя и всех прочих на ее ужасном алтаре! Да что угодно лучше, чем страшное кощунство: назвать ее "просто рыбой". Это так же страшно, как слова "просто цветок".

- И тем не менее, - отвечал Уилкс, - цветок и есть "просто цветок".
Глядя на все это беспристрастно, извне...

Он замолчал и прислушался. Другим показалось, что его тонкое бледное лицо стало еще бледней.

- Что там в окне? - спросил он.

- В чем дело? - встревожился хозяин. - Что вы увидели?

- Лицо, - ответил ученый, - но... но не человеческое. Пойду погляжу.

Габриел Гейл кинулся за ним и тут же застыл на месте. Он увидел это лицо; и, судя по лицам обоих других, они его тоже видели.

За темным стеклом слабо светилась огромная морда, похожая на театральную маску. Глаза ее окружали круги, как у сов, но покрыта она была не перьями, а чешуей.

Она тут же исчезла. В быстром воображении поэта пронеслись, как в кино, диковинные образы. Он увидел огромную рыбу, пролетевшую сквозь пену волн и вырвавшуюся в тихий воздух, застывший над пляжем и над крышами рыбацкого поселка. Он увидел, как самый этот воздух позеленел, сгустился, стал жидким, чтобы морские чудища могли в нем плавать. Он почувствовал, что дом - на дне моря и рыбы снуют у его окон, как у иллюминаторов погибшего корабля.

Тут за окном раздался громкий голос:

- Рыба умеет бегать!

Это уж было совсем жутко. Но страх развеялся, когда в раме дверей показался веселый, задыхающийся Уилкс.

- Бегаёт она быстро! - сказал он. - Заяц, а не рыба! Но я разглядел, что это - человек. Кто-то над нами издевается, вот вам и вся тайна.

Он поглядел на сэра Оуэна и улыбнулся недоброй улыбкой.

- Одно мне ясно, - заключил он. - У вас есть враг.

Про бегающую рыбу говорили недолго, тем и без нее хватало. Каждый говорил о своем, все спорили, даже тихий Саймон втянулся в споры и проявил в них ловкость, граничащую с цинизмом. Сэр Оуэн писал, подилетантски пылко, Гейл ленился, Бун ругал Библию, Уилкс корпел над обитателями моря, как вдруг поселок потрясла беда, и все английские газеты заговорили о ней.

Гейл карабкался по зеленому склону к белой меловой вершине, и мысли его звучали в лад штурмовавшему небеса рассвету. Облака, окруженные сиянием, проносились над ним, словно сорвавшись с огненного колеса, а на вершине он увидел то, что видят редко: солнце было не сверкающим кругом на сверкающем небе, а пламенным очагом, извергающим свет. Наступил час отлива, и море бирюзовой полоской

лежало внизу, странно и даже страшно поблескивая. Ближе шла полоска желто-розовая - песок еще не высох, еще ближе мертвенно-охряная пустыня, все больше бледнеющая в первых лучах. Когда она стала бледно-золотой, Гейл взглянул вниз и увидел в самой ее середине три черных пятна: маленький мольберт, складной стул и распростертое тело.

Тело не двигалось, но вскоре Гейл обнаружил, что кто-то движется к нему по пескам. Вглядевшись, он узнал Саймона и тут же понял, что лежит сэра Оуэн. Он кинулся вниз, подбежал к студенту, но оба они взглянули не друг на друга, а на своего хозяина. Гейл уже не сомневался, что Крам умер. Однако он сказал:

- Нужен врач. Где Уилкс?

- Врач не нужен, - сказал Саймон, глядя на море.

- Уилкс признает то, чего мы боимся, - сказал Гейл. - А может, еще и объяснит, что именно случилось.

- Верно, - сказал студент. - Пойду позову.

И быстро пошел по холму, ступая в собственные следы. Гейл смотрел на следы и ничего не понимал. Он видел свои, видел следы Саймона, видел отпечатки ботинок несчастного Крама, ведущие к самому мольберту, - и все. Песок был влажен, любой след отпечатался бы на нем; вода сюда не доходила; но, судя по следам, сюда не приходил никто. Однако под челюстью сэра Оуэна зияла страшная рана. Орудия рядом Гейл не видел, Краму просто нечем было убить себя.

Габриел Гейл любил здравый смысл, хотя бы в теории. Он твердил сам себе, что рассуждать надо, исходя из следов (или их отсутствия) и из особенностей раны. Но часть его сознания не поддавалась, она вечно перечила ему, подсовывая ничтожные и ненужные предметы. И сейчас внимание его непрестанно тревожило совсем другое: у левой ноги несчастного Крама лежала морская звезда. То ли поэта привлек ее ярко-оранжевый цвет, то ли она ему о чем-то напомнила, то ли распластавшееся тело повторяло ее очертания, хотя и без пятого луча. Как бы то ни было, Гейл не мог отделаться от навязчивой мысли, что тайна очень проста и маленькая морская тварь тесно с ней связана.

Он поднял голову и увидел, что идет Саймон с врачом, вернее, с двумя врачами. Вторым оказался доктор Гарт, невысокий человек с худым приветливым лицом. Он был другом Гейла, но поэт кивнул ему довольно безучастно. Гарт и Уилкс осмотрели тело и установили смерть. До прихода полиции они не могли шевелить убитого, но и так увидели достаточно. Не распрямляясь, Гарт сказал коллеге:

- Странная рана. Удар - почти прямо вверх, словно его нанесли снизу.

Но сэр Оуэн очень мал ростом. Трудно предположить, что убийца еще меньше.

- Уж не морская ли это звезда? - воскликнул Гейл.

- Нет, не звезда, - сказал Гарт. - Что с вами?

- С ума, наверное, схожу, - отвечал поэт и медленно побрел вдоль берега.

Время все больше подтверждало его диагноз. Образ морской звезды преследовал его, являясь ему в снах, и был отчетливей и ужасней, чем мертвое тело. Тело это он сперва увидел сверху и теперь видел таким же, только на вертикальном, а не горизонтальном фоне. Иногда песок становился золотой стеной, тело - распростертой на ней фигурой мученика; иногда оно было восточным иероглифом, застывшим в пляске божеством; но звезда о пяти лучах его не покидала. Она походила на древний багровый рисунок, и весь живой багрец сосредоточивался в ней. Очертания человека становились все абстрактней, все суше, звезда - все живее, и, казалось, она вот-вот зашевелит огненными пальцами, пытаясь объяснить, что же произошло. Порой человек стоял на голове, а звезда, как ей и положено, сверкала над ним.

- Я назвал цветок живой звездой, - говорил себе Гейл, - а на самом деле - вот она, живая звезда. Нет, я и правда скоро свихнусь. Чего-чего, а этого я никак не хочу. Какой от меня прок моим сумасшедшим собратьям, если я упаду с веревки, натянутой над бездной?

Он думал долго; а когда все понял, удивился, что долго думал. Все было так просто, что он посмеялся над собой и пошел в деревню.

- Бун с акулой, я - со звездой... - бормотал он на полпути. - Аквариум получше, чем у этого Уилкса! Пойду порасспрошу рыбаков...

Он расспросил их, и под вечер, когда он возвращался, вид у него был вполне спокойный. "Мне всегда казалось, - думал он, - что следы тут - самое простое. Есть вещи и посложней".

Он поднял голову и увидел вдалеке, в тихом предвечернем свете, странную шляпу и коренастую фигуру Амоса Буна.

Встречаться с ним он не хотел и свернул к тропинке, ведущей на вершину холма. Бун что-то чертил зонтиком на песке, как ребенок чертит замок, но вряд ли у него была такая благородная цель. Гейл часто заставлял его за каким-нибудь бессмысленным занятием; но когда он дошел до вершины, наваждение снова овладело им. Он твердил, что все его дело - идти по веревке над пропастью, в которую свалилось много других людей. Однако он взглянул вниз, на песок, плывущий под ним, и увидел, что линии сложились в рисунок, плоский, как узор на обоях. Дети часто рисовали на

песке свинью; но этот рисунок был другим, древним, как наскальные изображения. Бун изобразил не свинью, а оскалившуюся акулу с торчащим вверх плавником.

Не только Гейл смотрел на нее. У невысоких перил, наверху, стояли три человека. Еще снизу, с лестницы, поэт узнал обоих врачей и инспектора полиции.

- Добрый вечер, Гейл, - сказал Уилкс. - Разрешите вас познакомить с инспектором Дэвисом.

Гейл кивнул.

- Насколько я понимаю, - заметил он, - инспектор тут по делу.

- И дело это не терпит, - добродушно сказал Дэвис. Пойду в деревню.

Кто со мной?

Уилкс пошел с ним, а Гарт придержал за рукав его друг.

- Гарт, - сказал он, - простите меня. Я встретил вас вчера не так, как встречают друга. Нам с вами довелось распутывать странные дела, и я хочу с вами поговорить об этом деле, нынешнем. Сядем на скамейку, хорошо?

Они сели на железную скамью, с которой были видны и пляж, и море, и Гейл прибавил:

- Расскажите мне, пожалуйста, как вы додумались до того... ну, до чего додумались.

Гарт долго глядел на море, потом сказал:

- Вы приглядывались к Саймону?

- Да, - ответил поэт. - Значит, вы подозреваете его?

- Понимаете, - начал Гарт, - расследования показали, что он знает больше, чем говорит. Туда он явился раньше вас и не хотел сообщать поначалу, что же он видел. Мы догадались, что он боится сказать правду.

- Саймон вообще немногословен, - задумчиво сказал Гейл. - Он мало говорит о себе, значит - много о себе думает. Такие люди всегда скрытны - не потому, что они преступны, и не потому, что они коварны, а просто от мрачности. Он из тех, над кем издеваются в школе, а они никому не жалуются. О том, что его мучает, он говорить не может.

- Не знаю, как вы угадали, - сказал Гарт, - но так оно и есть. Поначалу думали, что молчание его - знак вины. Оказалось, что все сложнее, все у него перепуталось самым роковым образом. Когда он начал подниматься на холм, он увидел то, что поразило его сумрачную душу. Амос Бун стоял над обрывом, черный на фоне зари, и странно размахивал руками, словно собирался взлететь. Саймон решил, что он сам с собой разговаривает или что-то поет. Потом Бун ушел в деревню, скрылся в сумерках; а когда Саймон влез на вершину, он увидел, что внизу, на песке, лежит наш

мертвый хозяин.

- С тех пор, - предположил Гейл, - Саймон повсюду видит акул.

- И тут вы правы, - сказал Гарт. - И тень на занавеске, и туча на небе кажутся ему акулой с поднятым плавником. За такую акулу примешь что угодно. Любой длинный предмет с треугольником наверху перепугает человека в его состоянии. Пока он думал, что Бун убил беднягу издали, заклятием, мы не могли ничего из него выжать. Нам нужно было его убедить, что мистики тут нет. И мы его убедили.

- Что же вы придумали? - спросил поэт.

- Ничего особенно конкретного, - ответил врач. - Но я и сам верю, что Бун мог убить сэра Оуэна самым естественным образом. Смотрите: он долго жил среди дикарей, в том числе на островах там, за Австралией. Мы знаем, что у этих вроде бы невежественных людей есть удивительное оружие. Они убивают на большом расстоянии, дуя в какие-то трубки, они умеют загарпунить и заарканить то, что очень далеко. Наконец, они изобрели бумеранг. Бун вполне может все это знать. Мы с доктором Уилксом осмотрели рану. Она весьма необычна. Нанесена она острым, слегка изогнутым орудием, причем, заметьте, не просто изогнутым, а с каким-то крючком на конце. Это похоже на заморское оружие, и свойства у него могут быть самые удивительные. К тому же наша гипотеза объясняет еще одну загадку. В этом случае ясно, почему нет следов.

Гейл долго смотрел на море, потом сказал:

- Очень умно... Правда, я и так знаю, почему нет следов. Все было гораздо проще.

Гарт посмотрел на него и серьезно спросил:

- Разрешите узнать, что же придумали вы?

- То, что я придумал, - ответил Гейл, - многие назовут простыми домыслами или поэтическими мечтаниями. Почти все современные люди, как ни странно, очень любят теории, но совершенно не связывают их с жизнью. Они вечно толкуют о типах нервной системы, об окружении, о случайности. На самом же деле человека создает мировоззрение. Многие, очень многие убивают и женятся, творят и тоскуют по вине той или иной теории. Вот я и не могу начать мой рассказ так, как хотели бы вы, врачи и сыщики. Я не могу перейти "прямо к делу", я вижу сперва сознание, а уж потом внешность. Начать я могу только с рассказа о душе, о которой, как это ни жаль, рассказать почти невозможно. Убийца, или безумец, как хотите, должен в нашем случае обладать рядом свойств. Взгляды его дошли до безумной простоты, в этом смысле - он дикарь; но я не думаю, что дикость эта перекинулась и на средства. С дикарем он сходен тем, что все и

вся видит обнаженным. Он не понимает, что одежда, облачение бывает реальной человека, даже предмета. Человек - неполон, он как бы "не в себе", когда при нем нет символа его общественного достоинства. Голые люди - не совсем люди. Относится это и к вещам, и к животным. Об ауре наговорили много ерунды, но есть в этом учении и правда. Все на свете окружено сиянием, даже мелкие твари, которых он изучал.

- Каких это Бун изучал мелких тварей? - удивился Гарт. - Людоедов?

- Я говорю не о Буне, - сказал Гейл.

- О ком же? - чуть не закричал врач. - Да Буна вот-вот схватят!

- Бун - хороший человек, - спокойно сказал Гейл. - Он очень глуп, потому он и разуверился в вере. Бывают и умные атеисты, сейчас мы к ним перейдем, но этих, глупых, гораздо больше, и они гораздо лучше. Бун хороший человек, он не мыслит зла, а говорит всю эту чушь, потому что считает себя мучеником идеи. Сейчас он, наверное, немного не в себе, ум его не выдержал путешествий. Считается, что путешествия развивают ум, но для этого ум надо иметь. А Бун сам не знает, что к чему, как очень многие люди. Но я не удивлюсь, если небо набито такими атеистами, и они, почесывая за ухом, никак не поймут, куда попали.

И хватит про Буна. Речь не о нем. Тот, о ком я хочу говорить, гораздо страшнее. Он думал не о жертвоприношениях; он думал об убийстве - простом, бесчеловечном, тайном, как ад. Я понял это, когда я спорил с ним впервые, и он сказал, что не видит красоты в цветке.

- Ну, вы уж... - начал доктор Гарт.

- Я не хочу сказать, - великодушно допустил поэт, - что человек, исследующий ромашку, на пути к виселице. Но я хочу сказать и скажу, что тот, кто так думает, вступил на ведущий к виселице путь. Этот ученый хотел глядеть на все извне, видеть все в пустоте, знать лишь мертвые тела. Это не только не похоже на Буна или Иова, это прямо им противоположно. Иов и Бун ошеломлены тайной; тот человек тайну отрицает. Не пугайтесь, это не богословие, а психология. Много прекрасных атеистов и пантеистов толкуют о чудесах природы; но тот человек не знает чудес, он ничему не удивляется. Неужели вы не видите, что этот безжалостный свет срывает, как личину, и тайну нравственную, ощущение святости жизни? Любой прохожий для таких людей - только организм. Им не страшно прикоснуться к человеческому телу, и вечность не смотрит на них из человеческих глаз.

- Хорошо, в чудеса он не верит, - сказал Гарт, - но он их творит. Как бы иначе он сумел пройти, не оставив следов?

- Он шел по воде, - ответил Гейл.

- Так далеко на берегу?

Гейл кивнул.

- Вот этому я и удивлялся, пока не увидел на песке одну штуку. Когда я ее увидел, мысли мои изменились, и я спросил рыбаков, какие здесь бывают приливы. Все очень просто. Перед тем как мы нашли тело, был прилив. Вода дошла до того самого места, где сидел Крам, почти до него. Так и вылезла из моря акула в человеческом облике. Так и пожрала она несчастного. Убийца шлепал по мелкой водице, как ребенок в летний день.

- Кто шлепал по водице? - спросил Гарт и вздрогнул.

- Кто ловил каждый вечер морских тварей? - вопросом на вопрос ответил Гейл. - Кто унаследовал деньги? Кому нужны они, чтобы поразить всех музеем и вознестись до высот науки? С кем говорил я в саду и кто сказал "просто цветок"?

- Придется вас понять, - мрачно проговорил Гарт. - Вы имеете в виду человека по имени Уилкс.

- Чтобы понять Уилкса, надо многое понять, - продолжал его друг. - Надо, как говорится, воссоздать преступление. Посмотрите на длинную линию моря и песка, где пробегают багровые отсветы заката. Сюда он ходил каждый вечер, в этой кровавой мгле он искал живых тварей. Он создавал музей, как некий космос, где будет все - от ископаемого до летающей рыбы. Он тратил на него много денег и незаметно запутался в долгах. Он убедил Крама оставить все музею; ведь для него Крам был просто старый олух, который рисует, хотя не умеет рисовать, и говорит о науке, хотя ничего в ней не смыслит. Такому существу положено одно: умереть и спасти дело. Каждое утро Уилкс протирал свои витрины, потом шел на холм искать своих ископаемых, потом сгружал их в свой мешок, разворачивал сеть и принимался ловить морских тварей. Теперь взгляните на темно-красный песок, и вы увидите все. Никогда ничего не поймешь, пока не увидишь картины внутренним взором. Он проходил мили вдоль моря и давно привык видеть на песке мертвые существа - морского ежа, морскую звезду, краба... Я уже говорил, что он дошел до того состояния, когда на ангела смотрят глазами орнитолога. Как же смотрел он на человека, да еще на такого? Ведь сзади бедный Крам выглядел как краб или как морская звезда: маленький, скрюченный, усы торчат, ноги в стороны... Да, две ноги у него, три у складного стула, - морская звезда! Уилксу оставалось присоединить к коллекции и этот образчик, чтобы ее спасти.

Он выбросил вперед сачок - палка длинная, - накинул сеть на старика, стащил его назад со складного стула, опрокинул на песок. Бедный сэр Оуэн, наверное, был очень похож в ту минуту на большую белую моль. Убийца наклонился к нему. В одной руке у него был сачок, в другой -

молоток геолога. Острым концом молотка он ударил жертву в то место, которое подсказал ему врачебный опыт. Рана такая странная именно потому, что убийца и убитый находились в очень странных позах. Убийца наносил удар, когда голова жертвы была перевернута. Так было бы, если бы Крам стоял на голове, но жертвы не часто ожидают убийцу в этой позе. Когда Уилкс снимал сачок, оттуда выпала звезда. Она и открыла мне все я никак не мог понять, как же она очутилась так далеко на берегу, и стал думать о приливах. Наконец я понял, что прилив и смысл следы; а все она, желто-алое чудище о пяти лучах!

- Значит, - спросил Гарт, - тень акулы здесь ни при чем?

- Нет, - сказал Гейл, - не значит. Убийца спрятался в этой тени, ударил из-под ее покрова. Я не думаю, что он ударил бы вообще, если бы ее не было. Потому он и раздул миф о бедном Буне, пляшущем перед Дагоном. Помните, рыба заглянула в окно? Она была как живая - ведь он взял модель из своей коллекции и оставил ее в холле, в мешке. Это очень просто: он поднял тревогу, выбежал, надел эту маску и заглянул в окно. Тем самым он навел сэра Оуэна на мысль о каком-то враге. Ему были нужны кумиры и тайна, чтобы никто не заметил его разумного убийства. Как видите, так и получилось. Вы сами сказали мне, что Буна вот-вот схватят.

Гарт вскочил.

- Что же делать? - спросил он.

- Вам виднее, что делать, - сказал поэт. - Вы хороший и справедливый человек, а главное, вы - человек практичный. Я непрактичен...

Он встал и виновато добавил:

- Видите ли, некоторые вещи понимают только непрактичные люди.

И он заглянул в бездну, лежавшую у его ног.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке TheLib.Ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)